

Виталий Агафонов

Афганская поэма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21567640

Аннотация

Поэма Посвящается Демакову Александру Ивановичу – Герою Советского Союза, заместителю командира 2-й мотострелковой роты по политической части, 70-й гвардейской отдельной мотострелковой бригады, 40-й армии Краснознамённого Туркестанского военного округа (Ограниченный контингент советских войск в Демократической Республике Афганистане), старший лейтенант. Всем войнам интернационалистам, которые выполняли свой воинский долг в Афганистане живым и погибшим.

Посвящается Демакову Александру Ивановичу – Герою Советского Союза, заместителю командира 2-й мотострелковой

роты по политической части, 70-й гвардейской отдельной

мотострелковой бригады,

40-й армии

Краснознамённого

Туркестанского военного округа (Ограниченный контингент

советских войск в Демократической Республике Афганистане),

старший лейтенант. Всем войнам интернационалистам, которые

выполняли свой воинский долг в Афганистане живым и погибшим.

Афганская поэма

Мелькают грозные события,

вплетая много разных стран.

В анналах бурного развития,

в горах живёт Афганистан.

Предисловие

Среди камней и горных перевалов,

приблизившись всех ближе к небесам.

Среди ветров и осыпей (даманов),

живёт непобедимый Хорасан¹.

Межгорные красуются долины.
На небе беркуты медлительно кружат,
и видят, как хребтами – веер длинный,
расположился гордый Хазараджат².
Как пики, снежно-острыми краями,
на верхнем ярусе Ваханских ледников,
вершины, что стираются ветрами,
рисуются из белых облаков.
Исполненный высотного величия,
орлан тревожно крикнет в вышине.
И отзовется эхом безразличия,
вцепившись за высоты, твёрдый снег.
Вздымаясь мощью, над цветной равниной,
притягивают сизой белизной,
лотковая лавина по стремнине,
проскачет смертоносною волной.
Услышав, горец тихо и сурово,
посмотрит на грохочущий поток.
Понятно, кто-то глупо, бестолково,
пошёл туда, не выучив урок.
Гуляет дикость тайною красую,
бросая неизведанности взор.
А в небе бледно-белой полосой
венцом висит причудливый узор.
Под ними распластались перевалы,
вершины, как речные берега.

Вздымаются обветренные скалы,
и держат грозовые облака.
На севере Бактрийская равнина.
На склонах между рек лесная глушь.
Паропамиз³. Долина смерти¹¹. Глина.
С предгорьями массивный Гиндукуш.
Где реки, словно острыми клинками:
Амударья, Гильменд, Кабул, Кашан...
Несутся вниз песками и камнями,
дают хвалу земле и небесам.
Парит на небе бородач-ягнятник
и ищет череп, чтоб взломать в куски.
Возможно, черепаха видом дразнит,
зарывшись в тамариске¹², иль в пески.
Внизу бежит, камней стирая грани,
из талых вод, к низинам сквозь века,
весёлым бегом, и живущих манит,
бурлящая порогами река.

¹19 в. Афганистан была известна как Хорасан, в переводе с персидского означает "восход солнца", или "восточная земля".

²труднодоступное нагорье Хазараджат высотой более 3000 м.

³Горы Паропамиз протяженностью около 600 км и шириной до 250 км расположены на северо-западе Афганистана.

¹¹ Даашти-Маргоа – глинисто-песчаная пустыня в юго-западной части Афганистана, между долинами рек Гильменд и Хашруд.

¹² небольшие деревья и кустарники.

Предыстория

Подходы горцев жестки и суровы,
как всё живущее с другими наравне.

И не приемлют, если кто-то, новый,
вмешается беспочвенно извне.

Жизнь гонит всех, меняются законы.

Ломается отлаженный покой.

И этот кто-то, новый, незнакомый,
срывает тот, сложившийся устой.

Идут вперед, тяжёлые столетия.

Любой живущий в этом мире тлен.

Миры и войны в схватке, сквозь бессмертие,
проходят через сито перемен.

Меня строй в привычном этом мире,
учтя ошибки, строят на века.

Но постоянство стало очень зыбким,
и получается, что только на пока.

Живя мечтой, стоять на горном пике,
стремились все в прекрасный, горный край.

Гора Ношак¹ вовеки не поникнет.

О покорении, ты, даже не мечтай.

Но люди безоглядно верят чуду,

особенно воители племён.

И лезут одержимо, отовсюду,
во все года, в период всех времён.

Как центр всех, стекающих маршрутов,
приверженные крупным дележам,
Афганистан, сверкая перламутром,
стал перекрёстком страждущих держав.

Ещё с времён Амона и архара²
сюда пришли другие племена...

Дав имя индоарийское Гандхара,
форпостом стала новая страна...

Потом империя богатых Ахеменидов...

Царь Александр захватил престол...

Вошла в состав Ирана Селевкидов,
меняя в жизни множество основ...

Кушаны... Эфталиты... Саманиды...

Арабы вторглись, годы перемен...

Сменив на месте грозных газневидов,
пришли Груиды, в череде измен...

В Герате стали править Тимуриды.

Среди последних, значимых фигур,
отдал на растерзание Сефевидам,
уйдя с тех мест, прославленный Бабур...

Пришли на смену ханства. В Кандагаре
не долгов был Гильзейского костяк.

Дурранская распалась в Пашеваре.

Мир изменился много лет спустя.
Но, всё же стало первым государство,
когда Ахмат-Шах Дуррани взошёл на трон.
Объединив разрозненные ханства,
единый принял для страны закон.
И первый шаг: посольство из России,
Богдан Асланов принят был главой³.
Друг другу мир и дружбу предложили,
подписан договор, чтоб был покой.
Потом британцы с Индии вторгались,
отстаивая кровный интерес,
без жалости, без меры и морали...
Но корпус тот в горах чужих исчез.
Лишь доктор Брайдон с гор один вернулся,
безумные глаза и дикий страх¹¹.
С подваленным лицом упал без чувства.
«Неверных покарал в горах Аллах!»
И снова войны, снова интересы,
Россия продвигается на юг.
Британцы контролируют процессы,
где вечный бой, отверженный уют.
Ни кто не хочет сильного соседа,
законы джунглей: «Сильный будет прав!»
Для англичан нужна всегда победа.
Но у афганцев своевольный нрав.
Отбросив прочь ярмо, избрав свободу,

вновь воевали, в череде измен.

Жить для себя, не в чью-нибудь угоду,
идти вперёд, к мечте, привстав с колен.

Свободный дух витает по вершинам,
спускаясь, верой кормит кишлаки.

Как с минарета¹² голос муэдзина¹³,
звучит в груди всем бедам вопреки.

И наконец, Афган освободился,
став независимой, опять пошла вражда.

Хабибулла с Амануллой сразился,
видать такая бедного нужда²¹.

Пришёл Дауд, за ним пришёл Тараки.

Сменил его изменчивый Амин.

В Саурскую возникли беспорядки²²,
среди враждой насыщенных картин.

Исчезло постоянство в этом мире.

И лишь одно осталось на века.

С высоких минаретов звук в эфире²³:
религия, Аллах, Коран, Ислам.

¹Гора Ношак – наивысшая точка Афганистана. Ее высота составляет 7492 метра.

²Овидий передает миф, согласно которому небожители из страха перед Тифоном превратились в разных животных. В античной традиции Амона изображали в виде человека с бараньими рогами.

³Во время правления Ахмад-Шаха Дуррани устанавлива-

ются первые дружественные контакты между

Россией и Афганистаном путём отправки русским правительством в 1764 году миссии Богдана

Асланова для заключения договора о взаимной дружбе.

¹¹В начале 1842 года, англичане выступили из Кабула в направлении Джелалабада, когда они вошли в горы, афганцы напали на них и перебили. Из 16 тысяч англичан спасся один человек – доктор

Брайдон, который добрался до Джелалабада, где стояла английская бригада.

¹²В архитектуре ислама башня (круглая, квадратная или многогранная в сечении), с которой муэдзин призывает верующих на молитву

¹³служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву (*намаз*)

²¹Бачаи Сакао – не имя, а кличка, в переводе означающая «сын водоноса». Он объявил себя падишахом Хабибуллой.

²²Апрельская (Саурская) революция – события в Афганистане 27 апреля 1978 года, результатом которых стало установление в стране марксистского, просоветского правительства.

²³В настоящее время муэдзин уже не поднимается на минарет, а его голос транслируется установленными на минарете (обычно четырьмя) динамиками.

Причины

Когда мечтаешь жить за счёт другого,
ты видишь круг нацеленных людей,
которые стремятся бить любого,
таких же, алчных, грубых, без идей.

Конечно, кажется, они тебя хитрее,
безумно рыщут не жалея ног.

Лишь всё за тем, чтоб раньше и быстрее
схватить завидный для себя пирог.

В войне холодной бьются две державы.

Как два орла в небесной вышине,
терзают жертву. Кто тут будет правый,
когда вмешались в строй страны извне?

Грядёт развязка. Будет бой кровавый,
за гегемонию среди третьих, слабых стран.

Для устрашения, могущества и славы,
их интересом стал Афганистан.

Где США, крылатые ракеты,
мечтает запустить через страну.

Союз, узнав коварные секреты,
не хочет быть в их ядерном плену.

А тут Амин просил Союз вмешаться.

Но понимая мощный резонанс,

Политбюро решили отказаться,

чтоб не вносить разлад и диссонанс.

Повторно просьбы. Встали убеждения:

«Пришли к Амину люди ЦРУ!»¹

У КГБ большие подозрения:

«Сгущающиеся краски не к добру!»

Стране нужны покой и безопасность.

С ракетами совсем другой расклад.

Чтоб устранить коварство и неясность
покончить этот глупый маскарад.

И вот тогда, воспользовавшись просьбой,

чтоб «защитить» Амина от врагов,

заверенные верностью и дружбой,

собравшись силами, без всяких лишних слов,

Союз решил вмешаться, что бы помощь

была от них, а не от США.

В чём сила стран и в чём витает немощь?

Куда стремится чуждая душа?

У всех свои в раздоре интересы.

Идя по краю, ставят на весы

свою судьбу. Но чуждые процессы,

кидают в пропасть с крайне полосы.

И гибнут там плебеи и герои,

ломая веру, позы, душу, стать.

Лишь, тот герой по праву, кто достоин,

свою судьбу в войне предугадать.

У горцев же другие отношения,

им наплевать, какие там миры.

Они живут, без всякого сомнения,

в борьбе за жизнь совсем не до игры.
Их с детских лет питали силой воли,
пускай дехканин, водонос, пастух.
Любой сарай², защитник веры, воин.
И в воздухе витает вольный дух.
При частой смене власти и режимов,
народ не верит больше никому.
Где многое неведомо, незримо,
гарантия, что горцы не поймут.
Но выбор сделан, Тадж-Бек³ захвачен,
войска вошли, назад дороги нет.
Лишь где-то там, вдруг вспомнив, мать заплачет,
сквозь тернии, уходящих в небыль лет.
Не воевать, а охранять объекты,
чтоб не было раздора и вражды.
Но появились лжеапологеты¹¹,
и принесли те нужные плоды.
И покатались денежные реки,
инструкторы, оружие, бойцы,
учитывать ошибки и прорехи,
и как всегда, безумцы и глупцы.
Создав отряд из сильных моджахедов,
американцы начали войну,
твердя о том, что вера, честь задета,
что захватили «шоурави» страну.
Мир одержим свободой и славой,

а моджахед религией войны.

Навязанные стычки, бой кровавый,
стал бременем тяжёлым для страны.

Пошли потоки грузов по дорогам,
везя продукты, вещи, материал.

И вечный бой и вечная тревога,
Афганистан, как старый аксакал.

Взрывали грузы, злобствующие банды
и грабили свободно кишлаки.

Кто вам сказал, что бедный станет главным,
с мотыгой властвовать на поле не с руки.

Съедает веру въедливое лихо.

Кто хочет испытать свою судьбу.

В любом почине мелком и великом,

К богатствам путь – для бедного табу.

¹поступавшие в Москву по различным каналам (прежде всего – по каналам КГБ) сведения о

стремлении афганского руководителя переориентироваться на США были удачной дезинформацией

спецслужб. (Причина ввода советских войск в Афганистан в 1979 году, О.А. Гоков) ²мужчина (Русско-афганский словарь. Лебедев К. А. Москва 1961г.) ³Дворец Тадж-Бек, резиденция Х. Амина

¹¹(от греч. apologetes – сторонник, защитник). Тот, кто выступает с апологией какой-либо идеи, учения; защитник, приверженец кого-либо, чего-либо

Мулла Ахмад

Мулла Ахмад, сынок Киямуддина,
бежал сайгаком в дальний Пакистан.
По горным склонам, сквозь пески и льдины.
Рассерженный, сквозящийся туман
хлестал его и он молился богу.
Весь мир перевернулся на глазах.
Он проклинал судьбу, людей, дорогу,
его схватил отчаяние и страх.
Забрали всё: ни дома, ни джериба¹,
бунтовщики, проклятые рабы.
Как хорошо, что убежал изгибом,
и прятался у сломанной арбы.
Он убегает, но вернётся вскоре.
И отомстит за землю, за отца.
За дом разграбленный, ответит людям горем,
за веру, за пророка и творца.
Ахмад вступил в ряды муджахиддинов
и через центр встал в ряды борцов.
Он понимал: борьба необходима.
За дело правое кормил врагов свинцом.
Но, прав лишь тот, в ком есть и власть, и сила,
а истина всегда была в тюрьме.
Была мечта, что ввысь превозносила,
всех, оставляя в праведном дерьме.
Сначала вера, высшие идеи,

копание, конечно злость и месть.
Потом желание и разные затеи,
и потерялись звание и честь.
В крови исчезло праведное дело,
корысть проклятая скрывает яркий свет.
С народом начал биться оголтело,
вдруг осознав: «Назад дороги нет!»
И вскоре стал одним из командиров
и начался кровавый интерес.
Одетый в иностранные мундиры,
стал проповедовать, рассказывать хадис².
Он резал всех, взирая хладнокровно,
как с них слетает падшая душа.
Ценил в врагах одно, когда безмолвно
они лежали, перестав дышать.
Не всё ль равно количество убитых,
ему платили, это результат.
Давно идеи лучшие забыты.
Он твёрдо знал, что нет пути назад.
Есть в каждом слове смысл и выражение,
и в каждой жизни сильная черта.
Но все хотят любви и поклонения,
хотя не понимают ни черта.
Трубили славу лидеры движения.
С идеей светлой грабили других.
Страну за деньги продавали без стеснения.

Такой вот сложный скрученный триптих³.

Ни кто не борется за веру и идею,
у каждого есть мера и вина.

Покорности не хочется злодею,
когда идёт священная война.

И если ты сознателен и точен,
сам выбираешь точные пути.

Найдётся тот, который вдруг захочет,
безудержно тебе всё запретить.

Ахмад всё чаще думал о покое,
и всё труднее стало воевать.

Он понимал становится изгоем.

Исчезла радость, преданность и стать.

Он накопил немалое богатство,
Хикматияр¹¹ становится всё злей.

Душевное исчезло постоянство.

Нет ни семьи, ни дома, ни друзей.

«Ещё одно задание с колонной.

Уйду чужую в дальнюю страну.

Но, почему-то, всё же беспокойно.

Вся жизнь натянута в упругую струну!»

Всё надоело сумрачно, постыло,
прошла пора безудержных затей.

И вдруг под сердцем жалобно заныло.

Не видел он ни веры, ни путей.

¹один джериб – 0,2 гектара

²предание о словах и действиях пророка Мухаммада, за-
трагивающее разнообразные религиозно-

правовые стороны жизни мусульманской общины

³произведение искусства, состоящее из трёх картин, барельефов и др.

¹¹агент ЦРУ, шеф Ахмада

Старое и новое

Кабул даёт: свободу и законы,
земля дехканам. Только шариат,
ответно обращается к канонам,
и объявляет по стране джихад.

Отменены все джагры¹, заминдары².

Бери бесплатно! Но Аллах суров.

Народ не верит, что вода подарок,
забрать у баев земли не готов:

– Писал пророк, Коран, святой рукою!

Декреты смертные писали на пока!

Ослушников Аллах лишит покоя!

Законы эти людям на века!.. –

Кивали молчаливо аксакалы.

– Земля для тех, кто трудится на ней! –

сил активисты тратили не малые.

И снова бой, и снова, кто сильней.

Пошли по кишлакам агитбригады,

но аксакалы вторили: «Нельзя!»

И стрекотали голосом цикады,

в противовес кабульские друзья.
В любом зерне есть воля, сила жизни.
Цепляясь за утёсы, сквозь песок,
прорвётся к солнцу, всем назло пробившись,
как чудо, к свету, слабенький росток.
А если окропить святой водою,
он вырастет в прекрасный колосок.
Накормит страждущих, мечтающих, собою,
закрутится жизнь новым колесом.
И вскоре стали медленно, но верно,
боясь всевышнего, трудиться на земле.
Наделами, джерибами³ отмерено,
как только отошёл на склонах снег.
Нет большей радости, когда возрастает стебель,
и будет небывалый урожай.
И горы выше, птицы лучше в небе,
прекраснее становится свой край.
Коран гласит: земля для тех, кто пашет,
но бай не хочет отдавать добром.
Вдыхают свежесть вспаханные пашни.

А где-то уж готовится погром.

¹условное, феодальное, земельное владение

²феодальный, наследственный держатель земли

³один джериб – 0,2 гектара

Рудот

Окрасил солнце зубчатые скалы,

вершины словно парус, корабли.
Спокойно у дукана¹ аксакалы,
беседуют о красоте земли.
Прошло то время: распрей, глупых споров.
Мулла и бай сбежали в некуда.
Земля не терпит только разговоров,
а ждёт от всех достойного труда.
И вот тогда, воздастся всем по полной.
И будет жизнь, и будет урожай!
Кому не хочется, жить весело, привольно?
Лишь только вовремя плоды те собирай.
Собравшись, как-то утром у мечети,
обговорив детально о делах,
без лишнего, свой путь себе наметили,
с молитвами, поможет пусть Аллах.
Создали в кишлаках свои колхозы,
земля нуждается в уходе и в труде.
Пусть будут с пользой пролитые слёзы.
А трудности? Они всегда, во всём, везде.
Все вместе, дружно ходят на работу,
стада на склоне ищут себе корм.
И стало проще жить, с тех пор, народу,
при помощи законов и реформ.
Открыли школу, провели каналы.
И клуб построили, на радость молодым.
Агитбригады, и это только малое.

Такие вот Саурские плоды.

Учительница, мелкими шагами,
идёт по тропке в школу на урок.

Она с Кабула, время наше славит,
свободной жизни сладостный глоток.

Неужто станем жить без заминдаров,
без баев, мулл, наследственных властей.

Видать в Кабуле всё прошло недаром.

Как мало знаем сводку новостей.

А в это время словно зверь в засаде,
смотрел на это их мулла Ахмад.

За каждого получит он награду,

Хекматиар бесспорно будет рад.

Недолго длилась радость от победы.

Недолго думал мудрый аксакал.

К ним подошёл чужой, в халат одетый,
и аксакал навеки замолчал.

Вошли в кишлак отряд головорезов,

мулла Ахмад, с ухмылкой на устах,

без лишних слов, надменно и помпезно,

вселяя людям ненависть и страх,

прошёлся вдоль дувала, добывая,

всех тех, кто расхватал его добро.

С особым зверством, жалости не зная
вспоров живот, вытряхивал нутро.

На площади базарной, хладнокровно

сожгли живём у активиста мать.
Учительницу, так же безусловно,
вспорю живот оставив умирать,
пошли к мечети. Дети на подмогу
пришли со школы. Он тогда детей,
ножом своим отправил в гости к богу
и пригрозил убийством матерей...
И вскоре стало тихо и безлюдно.
Ни кто не смеет нарушать Коран.
С муллой равняться, с баем безрассудно:
«На том стоит и держится ислам!»
Сочувствие карается жестоко.
Кишлак Рудот, растерзанный кишлак.
И лишь развалины тоскуют одиноко.
Вселяя пришлому народу ужас, страх,
Гоняли коз по высланному долу?
Когда-то здесь играла ребятня?
Водили малышей шовунке³ в школу,
афганки бесконечно семеня?
Убитое завалено камнями!
Исчезло всё, нет жизни на земле!
Не смогут стать обратно телесами,
те души, что витают в сизой мгле!
Не светятся в кибитках огоньки.
Не встретит гостя добрый аксакал.
Ветрам общаться с гостем не с руки.

Они гуляют только меж дувал.
Ни кто не пьёт живительной воды.
Бесцельно плещется заманчиво кяриз,
Занесены обжитые следы.
Чинара одиноко смотрит вниз.
Окрасил солнце старые строения,
В тандыре¹ не дымятся кизяки.
Приволье сорнякового растения,
живущий всем невзгодам, вопреки.

¹торговая лавка, небольшой частный магазин

²учительница (*Русско-афганский словарь. Лебедев К. А.*

Москва 1961г.

³печь-жаровня, мангал особого вида для приготовления
пищи у народов Азии

Большая колонна

Идёт вперёд усталая колонна,
по тропам бесконечных диких гор.
Лишь уриал¹, с возвышенного склона,
рассматривает сказочный простор.
Слепит глаза расплавленное солнце.
Манит весною запах миндаля.
Налево горы, справа, как с колодца,
обрывы грозной поступью глядят.
Изрытая асфальтовая лента,
петляет вверх, зовёт к своей мечте.
И камни, словно боги с постаментов,

тревожат мир в безлюдной пустоте.
Пуская вдаль небесные раскаты,
сверкая молнией, бичуют склоны скал.
Небесной плетью требуют расплаты,
за то, что кто-то шумом помешал.
Там, под скалой, сквозит пустая полость,
как рупор повелителя земли.
Тревожный слышится с глубин подземных голос,
и эхом отзывается вдали:
«Кто вас пустил, одетых цвета хаки!
У нас в обычаи пакуль, или чалма²!
Какой-то китель, не курта-рубаха!
Шинель, бушлаты, а не наш чакман³!
Другие вы! Чего в горах вам надо?
Кто трогать вековой покой посмел?
Мы требуем хвалу, богам в награду!
Ни кто не смеет трогать наш удел!»
Но, лишь в ответ, натружено моторы
ревут, стремясь добиться высоты.
И поглотить безликие просторы,
перегибая тонкие мосты.
Идут вперёд, везут в кишлак продукты,
свою судьбу поставив на весы.
Мир в напряжении. Считаются минуты,
как долгие и трудные часы.
Безбожно рвутся к небу «наливайки»,

везут добро, чтобы спасти других.
В излучине горы бурубухайка¹¹,
подбитый и разграбленный затих.
«Стрела, Стрела! Приём! Ответь Ракете!» –
радиста слышен тонкий голосок.
Красивые пейзажи на рассвете
и озаряется предгорьями Восток.
Идёт вперёд усталая колонна,
по тропам бесконечных диких гор.
А где-то банда у крутого склона,
В прицеле держит сказочный простор.
Совсем немного, их пути сойдутся,
и каждый верит в лучшую звезду.
И чьи-то жизни пламенем забыются,
врагам на радость, на свою беду.
Ну, а пока, колонна лезет в горы.
Проверка крепости машин, простых людей,
с охраною, с оружием, сапёры.
Минуя прииски напуганный смертей.
В пологой высоте алеет флагом,
советский пост, как крепость от врагов.
Афганские сарбазы¹² служат рядом.
Житейский быт, затейлив и суров.
Спокойны наши, в мире всё спокойно.
Такой блокпост, как кованный доспех.
А сможешь ли ты честно и достойно,

пройти весь путь, сквозь череду помех?

Без крепости вселяется тревога.

Пустой участок каменистых гор.

Ни крупных войск, ни средств и ни подмоги.

Надежда лишь на пламенный мотор.

«Ускорится!» – раздалось по колонне.

Вдали роднится брошенный Рудот.

Пейзажи местные видны, как на ладони,

из недоступных каверзных высот.

КАМАЗ урчит уверенный и сильный

и не печалится, что он в чужом краю.

А командир с тревогой в куртке пыльной,

забывшись думу думает свою.

«В кабине душно, вес бронежилета,

сдавила грудь, и тяжело дышать!

Вопросов много, каждый без ответа,

приходится всё время выжидать!

Не первый год, по горным перевалам,

развозятся продукты для страны!

Год испытаний кажется кошмаром,

но такова риторика войны!

И каждый раз начальником колонны,

в простой работе сложные дела!

И сколько дней ночей прошли бессонных!

Чутьё, смекалка, чтоб не подвела!

Дорога, как артерия для жизни!

И враг пытается обрезать этот путь!
Возможно, выбор сделан был всевышним,
чтоб жили люди, значит не свернуть!
Ещё вчера, вдвоём с карандашами,
закрашивали выбранный маршрут!
Смотрели, где б душманы помешали,
и как себя в засаде поведут!
Лишь час пути, и будет то ущелье,
обманчивая стонет тишина!
Таким местам опасным нет доверия!
В стране идёт гражданская война!
Свербит тревогой заданный участок!
Здесь где-то банда рыщет по горам!
Твердят в округе, что выпады не частые!
Не надо верить разным чудесам!»
Давно известно, что пойдут машины,
большой колонной, это, как дурман.
И нет бандитам ни одной причины,
чтоб не поставить «шоурави» капкан.
Здесь непременно надо ждать засады.
Вдруг прозвучал спасительный: «Привал!»
Любому отдыху всегда в колонне рады,
всех ожидает грозный перевал.
С походной кухни кормятся солдаты.
А командир с охраной у моста,
вступил с афганскими солдатами в дебаты,

выслушивать про здешние места.

«Мулла Ахмат, хитёр, весьма опасен!

Не нападает, прячется в горах!

Другая тактика, он нам таким не ясен,
как будто в нем вселился дикий страх!..

Его разведчики, как тихие собаки,
спокойно ходят, смотрят вдоль дорог!

Не грабят! Не встречаются в споры, в драки!

Возможно, выжидают нужный срок!..»

Но делать нечего, нет ни одной причины
задерживаться боле у моста.

Сапёры обезвредили все мины,
сложив их у афганского поста.

И снова в путь. Команда: «По машинам!»

Взревел мотор, солдаты по местам.

Петляет путь по тонким серпантинам,
и все невзгоды службы пополам.

Последний пункт тревожного участка,
потом долина. Запах миндаля.

Кусты с глубокими корнями тамариска,
и благодатная к растениям земля.

«Долина сладостей!» Нежнее солнце гладит.

Гранат, как древо вечности и жизни на земле.

Сады по склонам, словно нитей пряди,
окутав мир, ликуют в серебре.

Вот, вот ущелье, нужно быть готовым.

Тревожней стала рядом тишина.
Свисают стены, как врагов оковы.
И в траур будущность вокруг погружена.
Там, впереди, у тихого Рудота,
нежданно выстрелы, идёт неравный бой.
Такая вот армейская работа,
кому-то прикрывать других собой.
«Колонна стой!» – с диспетчерского пункта.
Тревожный голос боли и тоски.
Ещё тревожней злобная минута,
бьют пулемётом белые виски.
Лежат бойцы за скатами, в воронках,
чтоб защитить машины от врага.
А офицер ругается не громко,
и крепче жмёт оружие рука.
Как хочется помочь, отбить засаду,
но в армии у каждого свой пост.
И головной, вновь высказал досаду,
оглядывая каменный откос.
У каждого в строю своя задача,
у каждого есть отданный приказ.
И парни плакали, украдкой, слёзы пряча,
из преданных мужских, суровых глаз.
Лишь полчаса прошло с того момента,
а кажется, что вечность и года.
Поникли боги в горных постаментах,

запомнив путь героев навсегда.

Потом в колонне, в дань бойцам охраны,

что защитили их собой в бою,

не зная полной, той кровавой драмы,

вставали, гордые, на русскую броню.

Взвывали вверх утробные сигналы,

машины плакали с другими наравне.

Дрожа, сжимали пики перевалы.

Прощаясь с братьями в неведомой стране.

И вскоре стало тихо и спокойно.

Цветут цветы и запах миндаля.

От ароматов, пред собой невольно,

всем кажутся российские поля.

Машины катятся по спутанной дороге.

Меж скальных гор зависла тишина.

И улетучились опасности, тревоги.

У командира светит седина.

Кишлак живёт всеобщим ликованием,

дошла колонна, снова без потерь.

И лишь Ахмат у сгубленной окраины,

Хоронится растерзанный, как зверь.

¹горный баран

²головной убор

³шерстяное пальто-халат с подкладом

¹¹разукрашенная, с высоченными бортами афганский гру-

зовик, красный автобус

¹²солдаты

Саша

Апрельские разливы

Питает жизнь апрельские разливы.

Цветёт гранат и радость на душе.

Мохнатый шмель, жужжа, неторопливо,
летит к цветам. Играет ранний свет.

Щебечут птицы, мир мечтой наполнив.

Пора любви и сказочных богинь.

Где каждая, свой долг, в цветах исполнив,
взлетает песней в призрачную синь.

В прекрасной песне слышится услада,
манящий миг простого колдовства.

Пассажем¹ виртуозная рулада²,
как переливы веры, торжества.

Вокруг сады дурманят ароматом,
и опьяняют души новизной.

Как хочется, в округе необъятном,
чтоб воцарились мир, любовь, покой.

Забуть бы всё, и окунуться в дебри,
больших садов, манящих, диких трав.

В мечту заветную без лишнего поверив,
пустится передряги всех забав.

Но для бойцов, армейская работа,
и нечего на слабости пенять.

Мотострелковая стоит в дозоре рота,

чтоб мирный труд от баев защищать.

¹последовательность звуков в быстром движении

²быстро исполненный, раскатистый, виртуозный пассаж в пении.

Советский солдат

Не сможет дерево стать крепкой древесиной,
без слабого зелёного листка.

Пробьётся семья, в корневых низинах,
ростком зелённым, нежные бока.

Потянется навстречу солнцу смело.

Дожди размоют юные мечты.

От злых ветров корой укроет тело,
и сформирует крепкие черты.

И вырастет природное создание,
в порыве, в единении души.

Приобретя мужские очертания,
предназначение жизни совершив.

За счёт корней живёт, и ствол, и крона,
питаюсь данью приданных небес.

Врастая в землю, жизненным законом,
в единстве создавая мощный лес.

И точно так же парень, несмышлёныш,
врастает телом в быт, в армейский строй.

Становится на службе закалённым,
пройдя закалку в схватке огневой.

Кто вам сказал, что труд армейский лёгок?

Не верьте лжи, он труден, всем, для всех.
Приходит юноша, почти ещё ребёнок,
уходит настоящий человек.
Сложна физически армейская наука.
Характер создаёт из крепких жил.
А те, кто утверждает служба скука,
скажу одно: «Он, просто не служил!»
Не надо многого, чтоб стать в строю мужчиной,
поход юнца, всего один лишь раз.
И краткий бой становится причиной,
где мужество рождается за час.
Сначала дрожь. Зудит от веса тело.
Рука, как продолжение рукоять.
От мыслей горестных, фантазий оголтелых,
и страх за жизнь, так просто не унять.
От этой сцепки хочется проснуться!
И скинуть весь солдатский арсенал.
Обратно в детство милое вернуться,
а не скакать меж глыб и горных скал.
Всем хочется обычных послаблений,
но понимаешь, это лишь мечты.
Панических в строю нет настроений.
Такие настроения пусты.
И нет той пафосности, двойственного взгляда,
рождается в солдате прямота.
Самоотдача лучшая награда,

в характере мужская красота.
Всегда, везде, надежда на соседа,
на автомат, что держишь впереди.
Кто жизнь армейскую в таком строю отведал,
навечно чувства дружбы сохранит.
Здесь чувства локтя, братская поддержка.
Готов любой закрыть тебя в бою.
Движенья точные и быстрые, без спешки.
Своя обязанность у каждого в строю.
Сначала всё обычно и спокойно.
Когда не знаешь, как же поступить,
держи себя без паники, достойно.
Не проявляй безудержную прыть.
Обидно было, может быть приятно,
имел ли вес, большой авторитет.
Ты, лишь песчинка в мире необъятном,
не важен даже твой менталитет.
Твои заслуги были там, когда-то.
Забудь про них, в строю другой подход.
Теперь ты в связке помни, это свято.
Где от тебя зависит весь исход.
Ошибка может стать первопричиной
погибели таких же, как и ты.
Запомни навсегда: с тобой мужчины,
мужские выделяются черты.
Лишь важно то, что ты умеешь делать,

сноровка в схватке, лучший результат,
к нагрузкам тренированное тело,
твоя смекалка, выучка, талант.
Бои в горах стремительны и быстры,
идя вперёд лавиной огневой,
сметает жизнь. Всем светит путь тернистый.
Учтя урок, останешься живой.
Не допускай бездумные ошибки,
не медли в действиях, но также не спеши.
И жизнь, и смерть – баланс, бесспорно зыбкий.
Старайся, делай, только от души.

Горная площадка

Как постамент, над горным перевалом,
возвысилась загадочно скала.
Под ним кибитки, путникам усталым,
внушают ужас. Призрачность и мгла.
Какую тайну прячут эти горы?
Не можешь думать больше о другом.
Голодных зев, путей утробных норы,
красуются в селении пустом.
Лишь тень мелькнёт за веткой тамариска,
протяжно ухнет средь камней сова.
Боятся все! Ни кто сюда без риска
не хочет нос бессмысленно совать.
Как будто, рядом зверем кровожадным
блуждает смерть, тираня всех вокруг.

Зловонием губительным и смрадным,
смыкает жизни венчанного круг.
Украдкой, прячась в щелях скорпионы
готовят жало, чтоб вонзить в врага.
Обычный путник, встречей обречённый,
получит сокрушительный удар.
Любой пришелец, змеям, как награда,
чтоб проучить бездумного глупца.
И чёрная вдова¹ безмерно рада,
по амплуа, убившая самца.
Протяжный ветер воет одиноко,
унылой песней, попранных сердец.
Дозорным кругом в небе кружит сокол,
подчёркивая путнику конец.
Лишь пост НП², пристроившись убого,
глазницами глядит на страшный вид.
Готовый спрятать от скалы любого,
и тоже тайну личную хранит.
Но, кто владеет этим постаментом,
владеет всей округою дорог.
Условия диктует повсеместно,
как повелитель, царь, владыка, бог.
Проходит жизнь пред ним, как на ладони,
дорога огибает скальный пласт.
Величием на выстиранном лоне,
ждет от людей, кто почести воздаст.

А кто не хочет уважать традиций,
тот обречён на долгие года,
без жалости, от нравов и амбиций
своё существование коротать.

¹Смертельно опасный вид пауков.

²Наблюдательный Пункт

С птичьего полёта

Летает гриф над горною грядою,
нет дела до трепещущих пустельг¹.

Он видит тех, кто узкою тропею
на постамент карабкаются вверх.

В пакулях чёрных ползают по скалам.

Кидают землю, прячась от других.

Зароются, достанется шакалам.

Посмотрим, что там будет впереди.

Окопы? Может место для спасения,
или нора, чтоб скрыться от других?

Какие в них возможности, сомнения?

Их выдают пугливые шаги.

Таскают камни, строят баррикады.

Оружием играют на показ,
лелеют, гладят и чему-то рады.

Но у зверей намётан острый глаз.

Но птичье сердце, этим не обманешь,
ведь человек расходный материал.

Такой у них предсмертный, долгий танец.

И ворон ждять у тёмных скал устал.
На встречу к ним, походным, быстрым маршем,
спешит среди безжизненных пустот
отряд солдат. Мир верою украшен,
как бесконечный синий небосвод.
В каком-то перестроенном сплетении,
стволы торчат иглой наперевес.
Готовые к любому нападению.
Подходит время, время без чудес.

Строй огневой, в прицеле каждый кустик.
Стальная пуля жало для врага.

Попавшегося, просто не отпустит,
уложит жизнь на дикие луга.

Ещё немножко, птица видит ясно,
есть те, кто будет накрывать на стол.

Их ожидание будет не напрасным,
пирушка: кровь, и ливер, и мосол.

¹ птица из отряда соколообразных семейства соколиных,
обладает способностью к трепещущему
полёту.

По пути к горной площадке

Идут бойцы в походном охранении.

Чаруют краски солнечного дня.

Нет времени для всяких расслаблений,
чтоб не попасть под сильный шквал огня.

За ними взвод, на дальнем расстоянии,

рассредоточившись, шагает к кишлаку.
В таком строю повышено внимание,
и действия на собственном слуху¹.
Пройдя морену², повернули в горы,
единственной тропой на перевал.
А там картиной кинутся просторы.
Участок трассы, что идёт меж скал.
Сигнал идущего. Нагнувшись над дорогой:
«Идут на встречу свежие следы!
Спустились с гор вдвоём! Пройдя немного,
теряются на камнях, у воды!»
Для всех бойцов обычная работа.
Витает в воздухе, опасных прядей нить.
У взводного особая забота,
задачу выполнить и группу сохранить.
Резвятся прытью бешеные мысли,
бегут, торопятся, обскакивая всех.
Мечём тяжёлым над главой повисли,
и где решение, возможность на успех.
«Два пастухи, но нет следов от стада?
Никто не встретился на пройденном пути?
Тогда душманы! – он окинул взглядом.
– Проверка местности? У них один мотив!
Обходят местность, рыщут по округе,
им нужно знать, где встала наша часть!
И если рядом ни кого не будет,

то можно безбоязненно напасть!
Повадками убогих мародеров,
с шакальей трусостью, в ночные времена,
показывают свой барыжный норов.
Им мать родная, на руку война.
Возможно, разминулись на дороге.
Мы их не видели, они возможно нас.
Тогда придётся подождать немного,
ещё осталось времени в запас!
Скорей всего пройдут обратно в горы!
Оружие? Количество врага?
В кибитках прячутся, или зарылись в норы?
Не надо с духами общаться наугад!»
– Усилить бдительность! Вокруг смотрите в оба!
Валеев, склон! Ниякин, за тропой!
Варнавский, вон за той скалой особо!
Запомните, кишлак Рудот пустой!
Пойдём к НП, нам нужно пообедать!
– бесшумно пробираясь меж камней,
– Ещё придётся нам с лихвой побегать,
добраться бы до точки поскорей!
Наученные ловкости движениям,
не оставляя по пути следов,
пошли ускоренно вперёд, без промедления,
свернув с тропы без всяких лишних слов.
В укромном месте закусив немного,

вдруг вспомнился вчерашний разговор:
«Ну, замполит! Пойдёшь к бойцам в подмогу,
колонне обеспечишь коридор!
Наскальный выступ, там всегда опасно!
Возьмёшь собой проверенных ребят!
Прошу не рисковать собой напрасно!»
– и поднял свой сочувствующий взгляд.
«Любые изменения на марше,
докладывать всегда, без лишних фраз!
Пойдут две группы, в первом будешь старшим,
Будь осторожен! Это мой приказ!»
Уже убрали скатерть самобранку,
иль дастархан³, как духи говорят.
Уже зарыли от тушенки банку,
и ждал команды вверенный отряд.
Сигнал Варнавского: «Я вижу двух душманов!
Идут, торопятся, возможно, к кишлаку!
Иль к горному ущелью по бурьянам!
Вот, вот дорогу, у скалы, пересекут!»
И вновь внимательность, чтоб разгадать секреты,
рекогносцировка¹¹, вплоть до мелочей.
«Вопросов много, где найти ответы,
как сделать так, чтобы было половчей.
Идут, торопятся, оглядываясь часто.
Одеты плохо. Сами налегке.
И без оружия, такие вот контрасты.

Возможно банда здесь невдалеке.
Врагам нужна советская колонна,
иначе б не ходили нагло днём!»
И где-то вдруг закаркала ворона.
Те двое юркнули в разрушенный проём.
Пустились тут же, часть ребят по следу,
и снова обнаружили двоих.
Негромким говором, ведя свою беседу,
зашли в кишлак, дорогой напрямик.
Расчёт один – идут в свою берлогу,
зияют щели, словно зверя пасть.
«Идём вперёд! Внимательней под ноги!
Возможно, затаились, чтоб напасть!»
Возвысились забытые строения.
Окопной линией красуется арык.
Преодолев барьер без промедления,
залёг отряд. Вдали дувальный стык.
Как на ладони брошенное поле,
растёт бурьян, дурманя всё вокруг.
Своею жизнью управлять ни кто не волен,
надежда лишь на крепость верных рук.
Надежда лишь на знание и опыт,
на тактику открытых площадей.
На боевой порядок, выжить что бы,
без сложностей и хитростных затей.

¹действия повторяемые постоянно в случае нападения.

² геологическое тело, сложенное ледниковыми отложениями. Представляет собой неоднородную смесь обломочного материала – от гигантских глыб, имеющих до нескольких сотен метров в поперечнике, до глинистого материала, образованного в результате перетирания обломков при движении ледника.

³скатерть, используемая во время трапез.

¹¹разведка для получения сведений о противнике, производимая лично командиром и офицерами штабов перед предстоящими боевыми действиями

Засада

Когда-то здесь усердные дехкане,
трудились на подаренных полях.

Заброшенность сердца людские ранит.

От дел святых остался только прах.

По флангам, перебежкой, слева, справа

пошли вперёд, а сорная трава,

им помогала прятаться исправно,

и стоит ли на что-то уповать.

Для перебежек многого не надо:

бросок, залёг, и место поменял.

Манёвр прост, за это жизнь в награду

даёт бойцу огня свинцовый шквал.

Уже почти добрались до чинары,

один манёвр будут у стены.

Пошла последняя в броске по полю пара,
на горный кряж мечты занесены.

Не сильный блик меж створками дувала,
сразил цветок над взмокшей головой.

И пули разом, плотным покрывалом,
попились смертоносною волной.

Свистят безбожно ставленники смерти,
срезая кроны хиленьких деревьев.

Танцуют хором в пляске круговерти,
полукольцом отходы заперев.

Как на ладони, ни куда не скрыться,
прижатым, только гибель, или плен.

Летит по небу смерти колесница.

И крикнул лейтенант: – Ползём вдоль стен!

– К арыку, мой приказ! Валеев, тоже!

– он зыкнул на лежавшего бойца,

– Иди к колонне ротный пусть поможет!

– сказал, смахнув кровавый пот с лица.

– Оставь гранаты! Я вас всех прикрою!

Спасай ребят! Ну что лежишь?! Иди!

– и он мотнул усталой головою,

– Пока не перерезаны пути!

И поползли смиренно по приказу.

В неравной схватке биться, смысла нет.

Уверенные в рост бандиты сразу,

пошли вперёд к солдатам следом вслед.

Манёвр прост, им нужен кто-то пленный,
чтоб расспросить про силу «шоурави».
Давно гранатами решили бы проблемы,
но русский дух всегда не победим.
Как будто нет войны, стрельбы, приказов.
В округе жизнью буйствует весна.
И не окинуть всё кровавым глазом,
жаль, не успеют лучшее познать.
А замполит считал своих душманов.
Желая расстрелять бойцов в упор,
не прячась, выбегая из дувалов,
кидали на бойцов надменный взор.
Вот, вот дойдут до нужного арыка,
чтоб уничтожить кровного врага.
Зловещим залпом, без помпез и крика,
окрасить кровью эти берега.
И тут взорвалось следом три гранаты.
За спинами «надменных» шёл огонь.
Ещё живут советские солдаты.
Ещё крепка разбитая ладонь.
И снова бой, и снова в поле воин,
сражается, как встарь с врагом один.
Лишь тот в сражениях бессмертия достоин,
кто в том сражении, и бог, и властелин.

Последний миг

Суровый ветер свищет среди скал,

сметая осторожные шаги.

Звериный взгляд. Насмешливый оскал.

О, мать божья, сыну помоги!

Какое бешенное сердцебиение,
стучит напевом в грозовых стихах.

Замедленно стираются мгновения,
и от обиды слёзы на глазах.

Всего лишь миг, и пролетели годы,
одной чертой, как карта на столе.

Задумчиво и смело смотрят своды.

Решительность застыла на челе.

Перед глазами детская пора,
как много времени прошло с тех дивных пор.

Семейные на кухне вечера.

И длинный, и серьёзный разговор.

Потом училище, курсантская стезя,
наряды, кафедры, мечтанья в вечера.

Конечно же армейские друзья.

И офицерская суровая пора.

Афганистан! Став замполитом роты,
осуществил заветную мечту.

Другими стали замыслы, заботы.

Но верил он в счастливую звезду.

В среде армейской служба, как икона:
присяга, честь и делай так, как я.

Совсем другие на войне законы.

И стойкости в солдатах не отнять.
Изрешечено раздробленное тело,
но боли нет, лишь странность на устах.
Могу одно сказать Отчизне смело:
«Он поборол смятение и страх!»
Застыл на миг задумчивый Афган.
«Хватило б силы дёрнуть за кольцо!
И вот тогда умрёт со мной душман!»
– Он не был трусом, не был подлецом.

Встреча врагов

Кто уложил на поле пол отряда,
главарь решил взять что-нибудь с собой.
За мёртвого не много, но награда,
ответ держать придётся головой.
Сорвался план, опять уйдёт колонна,
Хекматиар вновь спросит за провал.
Нужны для боя новые патроны.
Ни кто такого здесь не ожидал!
Лежит в крови расстрелянное тело.
Не сдался в плен: «Так кто же он такой?!
Сражался бесподобно, оголтело,
и грудь прижал кровавою рукой!»
Он наклонился над кровавым телом,
полез в карман, забрать хоть что-нибудь.
И тут внутри вдруг всё похолодело,
легла граната мёртвому на грудь.

Взглянул Ахмад на злейшего врага.
Ну что же мог ещё ему сказать.
За кисть схватилась мёртвая рука
и встретились их злобные глаза.
Мертвец глазами светлой синевы
и превосходства над своим врагом.
Ахмад со взглядом удивления, кривым,
стал выглядеть полнейшим дураком.
Усмешка пробежала по лицу,
последний взгляд послал врагу мертвец.
Попав в капкан советскому бойцу,
матёрый понял, это был конец.
Четвёртый взрыв раздался у скалы,
и нет тех слов, чтоб высказать печаль.
На крыльях душу павшего орлы
собою унесли в чужую даль.
И долгим звуком раздавалось эхо
в массивах гор, среди быстрых, шумных рек,
особым знаком самой лучшей вехой:
«Погиб герой, советский человек!»

Помощь

Стоят муджахиддины у арыка.
Бумажный змей¹ поднялся в небеса,
в след улетело в горы эхо крика,
в ответ раздалось громко голоса.
«Держись Санёк, бежим, почти уж рядом!»

– кричал по гарнитуре командир.
И пули полетели словно градом.
И стал смешон душманов лживый мир.
Разорвалась последняя граната
и сразу наступила тишина.
Так потеряли преданного брата.
Чинара в дым боёв погружена.
И среди трупов скошенных душманов,
лежал одни с усмешкой на лице.
С кольцом в руке, как верным талисманом,
как в ореоле праведном венце.

Весенний луч играет в прятки с тенью.

Как древо жизни славится гранат.

А ты пришёл б к такому же решению,
пройти свой путь, сквозь череду преград?

¹ хищники с длинными крыльями и слабыми ногами, которые проводят много времени, взлетая.

Большинство подачи главным образом на падали, но некоторые берут различное количество живой добычи.

Мама

Знакомо каждому простое слово: МАМА!»

Рождённому ласкает сердце слух.

Любовь живёт в людской черте упрямо,
превознося души могучий дух.

Где первый вздох, наполненный надеждой,

вливает в фибры ауру любви.
Как талисман вдыхает безмятежность,
до выдоха последнего благословив.
Лишь только мама жизнь несёт по свету,
лишь только ей дано рожать детей.
От мамы дочке дарит эстафету.
Во славу всех священных матерей.
Кто может быть верней всего на свете?
Кто может верить, как ни кто другой?
Надёжней нет на всей большой планете,
окутанный небесной синевой.
Рождение всегда считалось чудом,
нет разницы дочурка, или сын.
И первый взгляд, как искры изумруда,
и первое признание души.
Для всех рождённых мама лучший спутник,
оберегающая от любых невзгод.
Ни кто своё творение не забудет,
для любящих, всегда один подход.
Планета вертится, как в чреве своей мамы.
Земля, как мама для своих детей.
Где жизнь людей, как цветовая гамма,
спасающая от любых смертей.
Ещё на ручках крохотное тело
сопит в тепле, не видя свои сны.
Пытается открыть глаза не смело,

для мамы, он, уже любимый сын.
И мама будет вечно с сыном рядом,
грудным питая чадо молоком.
Дитё для мамы высшая награда,
растёт малыш и с миром не знаком.
И мама учит сына быть мужчиной.
Без женственности мужеству не быть.
Когда смиренно, преданно и чинно,
воспитывать без лишних слов пустых.
Какое чудо, видеть пред глазами
растёт душевный маленький комочек.
Как тянется доверчиво руками,
красивый, яркий, маленький звоночек.
Связав себя навечно пуповиной,
не оборвётся больше никогда.
Для сына мама станет половиной,
пройдя весь путь, прожив через года.
Мечте всегда сопутствует удача,
коль ты стремишься в праведном труде.
Решается сложнейшая задача,
счастливому прекрасно жить везде.
Среди селений, множества народа,
на разных расстояниях земли,
сын помнит кто он, и откуда родом.
А мама ждёт с потерянной дали.
А мама ждёт, своё родное чадо.

Ломается на речке зимний лёд.
Приезд ребёнка, это, как награда.
Коль любит обязательно придёт.
Как быстро время в жизни пролетело.
Ещё вчера ходил он в пятый класс.
И от чего-то, сильно захотелось,
увидеть доброту сыновних глаз.
И сын вернётся вопреки невзгодам,
прижмёт к груди седеющую мать.
Таков закон, живёт мечтой природа,
не выразить, словами не сказать.
А если не вернётся с поля брани
любимый сын с упрямою судьбой.
Простятся сыну маме обещания,
сын пал за маму, он в глазах герой.
И сердце разрывается на части,
душа скорбит, и нет слезам конца
от горя, от печали, от напасти.
Вы в нас живёте, все, в мужских сердцах.
Я встану на колени перед мамой,
и попрошу простить за все грехи.
Возможно, это выглядит чуть странно.
И посвящу ей лучшие стихи.
Знакомо каждому простое слово: МАМА!»
Рождённому ласкает сердце слух.
Любовь живёт в людской черте упрямо,

превознося души могучий дух.

Эпилог

Устало солнце катится к закату,

блистает склон внушительной горы.

Придёт бойцам, ночная мгла в награду,

и сон до ранней, утреней поры.

В чужом краю чужие очертания,

нет ровных, перепаханных полей.

И снятся сны сквозь мглу и расстояния,

края и лица, что для них милей.

А завтра, снова, марш и охранение.

Стоят в строю готовые бойцы.

И новые колонны и свершения,

на душах юных новые рубцы.

В бою смыкаются в едино половины,

вытягивая силы до конца.

Один лишь бой и вот стоят мужчины,

и среди них нет слабого юнца.

Я выполню приветствие герою,

за честь мундира, верность и оплот.

За то, что прикрывал страну собою.

Гордится вами партия, народ.

И будем жить назло смертям колючим,

за всех погибших, павших и друзей.

Развеем страх, туманности и тучи.

Мы верюю своею всех сильней.

Недаром трусят войны-моджахеды,
перед бойцом с советской стороны.
За нами мужество, и верные победы,
за то, что преданы, своей стране верны.
Я преклоню, пред павшим колени,
за честь, что выдержать в смертельной схватке смог.
Мы одинаковы, вы наше поколение,
и я исполню воинский свой долг.
Вершины светят яркой белизною
и рядом с ним ходят облака.
На пике, жизни светятся звездой,
взирая на родимые луга.
Кто потерял, всегда глядит на небо,
Чтоб разглядеть знакомый сердцу лик.
И я ищу, увидеть в небе мне бы,
чтобы понять, чего мой друг постиг.
Ну, вот и всё, прощаются герои,
и я прощаюсь, чтоб продолжить путь.
Пусть в душах будут крепкие устои,
а что не так, за текст не обессудь.

Май 1985г. (2016г.)

Document Outline

²мужчина (Русско-афганский словарь. Лебедев К. А. Москва 1961г.)

³Дворец Тадж-Бек, резиденция Х. Амина